

[illegible]

При таких условиях создавался для самодержавия своеобразный «порочный круг», в котором каждое новое реакционное мероприятие с удвоенной силой будило чувство протеста, накалило элементы глубокого недовольства и все больше и больше отстраняло всякую возможность мирного, «реформаторского» развития государственных порядков: в сторону более свободных форм общности. Если еще возможно было откровенное Лорет-Мельниковой конституция в 1881 году, то эпоха реакции, когда «обострились отношения» между развивавшимися элементами общества и консервативными и реакционными силами, и пробудившаяся политическая жизнь новые социальные слои, сделала такое разрывание «названного» вопроса, «сверху» невысказанным. Если в начале 80-х годов, перед правительством, стояла задача «досаждающая для него задача удовлетворения конституционных мечтаний верхов», «только в форме» «оборота» к традиционным или «старым» формам, то в 90-е годы обобщирный характер, но всякая попытка прикоснуться к функционированию государственного аппарата неминуемо повлекла за собой «разделение» на «группы» и «группировки» общественных элементов, которых «удовлетворить» во всяком случае невозможно, потому что эти позиции принципиально враждебны самому существованию «верха».

[illegible]

Наконец зашелся и последний из тех котов, на ко-
торых еще опирались самодержавие. Политика непрерывно
усиливающей государственной и дворянской «опеки», политака
выкачивания денежных ресурсов деревни и стеснения свобод-
ного развития ее хозяйственной и культурной жизни — полу-
чила страшный отклик из рядов крестьянского восстания
и в лице губернатора. Крестьянский вопрос так
много вылился из сознания дворянства, что оно уже
не настолько требовало внимания к себе, как некогда.
Вместе случился с вопросом рабочим, вопросом студен-
ческим, вопросом земским. Можно было зарыть предсе-
датель, что и в разрывании «крестьянского вопроса» самодержавие
не проявляло не больше творческой силы, не больше гибкости и
успешности, чем во всех других беззастенчивых «вопро-
сах». Прислушавшись к этому, дворянство и не
к крестьянскому и неравнодушно к нему связанному аграрному
вопросу вообще, вылинуло что-то одно явно из этой беззастенчиво-
сти и запутанной цепи общественных отношений — зна-

чило бы для самодержавія рисковать дать толчокъ паденію той лавины революціи и оппозиціи, которая нависла надъ нимъ.

Достаточно вспомнить, что даже такой «реформы», как отмена телесного наказания, царское правительство не может реализовать, хотя «вопрос о розгах стоит, как оерера». «Вот вы, господа, уже добродетельные люди. Но при этом вы все равно не можете не тронуть существовавший так прочно выработанный психологический дарма, что и до сих пор: роста и качества «законного» орудия правительственного воздействия (о «незаконном» нечего и говорить) не отбрасыва. Розга стала чуждой не только «существующим формам правления», а для борьбы с преступностью, сущим же «законным» орудием. Поэтому конституционные нормы, в форму воздействия более отбавляя телесного наказания».

Немудрено, что и тогда, когда крестьянские «бушты» постав-
лялись остро вопрос о деревях, растерявшиеся самодержавие на
это требование *комиз отягоща* могло устно Николая II лишь
похотили собравшимся из Курск в волостных старшинах, ве-
рять же слова, «независимого родителя». Можно ли было лучше
обнаружить все бесцелье царского правительства бороться с
сначала копейки ликвидацией, обостренной тьм самими «старши-
нскими», какия с таким ревнем примитива Александрия
III? Не было новых ответов, не было новых средств, а
старый шел к крушению. И все же правительству не остав-
лялось иного, лишь бесцельно топтаться на месте. И тогда
старшая лишь *независимо* топтаться, полагать с *скам*, оставлен-
ных, «стопами» предшественников: наводнение деревня «сельских
старшинскими» — вот все, что можно было придумать
«нового».

Манифест 15 февраля 1903 г. наряду с другими путями на акцию реформы возлагал и «пересмотр законодательства о сельском состоянии». Известно, что это «предположение» манифеста в области государственного и местного управления, в области церковной, школьной и т. д. сводилось к тому, чтобы как бы попытаться усилить реакцию «в разрыв приписки памятники дель державных наших предшественников», одобряя эти угрозы буржуазные проекты легкой приписки символически либеральной постной массы. При постепенном ее осуществлении, как уже отмечено, «не исключено, что в

[illegible][illegible]

Во столько раз, сколько «предположения» комиссий не заслуживают оснований, так как рýчительно ничего нового не дают. Интересно лишь то явное безразие, с которым комиссии продолжают к каждому вопросу из области культуры применять к себе истинный недостаток и раздражения. Истинно, что в настоящее время из общества не исходит никаких потребностей, равнозначащих, например, тем пунктам, которые являются источниками изменений, и в конце концов, похищая их кругом да около и убеждавшись в невозможности вынуть хоть одну иголку из алаиа, не спешит его цýлком, безразлично махать рукою и ограничивается внесением какой-нибудь новой реакционной «поправки». Перель на своих глазах наблюдает ряд тщетных попыток, самодержавие приспосабливается к новым условиям социально-экономической жизни. Выясняется, что очевидно, что, оставаясь только продолжателем своего рода, самодержавие остается только продолжателем своих безумных попыток «приспособить» все развитие народной жизни к себе. Самодержавие и прогрессивное развитие общества — несовместимы. Нам самодержавие, нам жизнь — так ставится вопрос, и можно ли сомневаться, какой бу-

детъ отвѣтъ, какъ бы ни старалось самодержавіе дать его въ свою пользу!

[illegible]

«Проект» комиссии передан на рассмотрение губернской совещания. Совещания это, конечно, не внесут никаких существенных изменений в проект, разве только еще усилят такие грозно звучащие в нем реакционные ноты. За это ругается вся наша состав совещания, в которых входят чиновники всех ведомств, с усиленным участием земских начальников, и представители от дворянства. Члены от земства приглашаются по выбору губернского земского собрания. Заставя же губернатор, представляющий язык в совещании, может приглашать, еще «сидящих» язык по своему усмотрению.

Целью устройства таких союзов является то, чтобы, якобы бы «доверить общественным обязательствам», не требуется пояснений. Это — политика, не только искажающая общественное мнение, но и утратившая способность к самостоятельному «общественному» ответу на санкции, утратившая способность к самостоятельным действиям. Несомненно, для придания того бы инквизиторской «правды» всей этой реакционно-бюрократической кампании, но для буржуазии будут притягивать в «союзы» и тех, кто не имеет ни малейшего представления о том, что такое общественные обязательства, и кто не имеет ни малейшего желания думать, что хотя бы в этих случаях в пользу общества и либерализма хватало политического таланта (его немалого) для того, чтобы отказаться прикрывать своим участием

Итак, «перестроить» законы о крестьянах свелся к простому констатированию дальнейшего существования той «феодалной кабалы, изъ которой не выходила деревня со времени предсудного „освобождения“», и констатированию бесцельности самодержавия в попытках «реформы». *Quia non potest — не трогать существующего, таков закон его самосохранения. Оно не может уже медленно, постепенно самоупраждаться путем реформы сверху; оно должно быть упразднено снизу.*

И если самодержавие так опасается всего «нового», так боится притронутся к тому, что существует, так дрожит перед всяким рьянным толчком, то можно себе представить ту роль, которую сыграет в это столетие колоссальная вестрянка всех устоев русской жизни войной на Дальнем Востоке!

ПОДЪ ШУМЪ ВОЙНЫ.

Уже несколько месяцев тянется этот гипноз: люди противоположных воззрений, патриоты кнута и борцы революции, разноцветные политики и безразличная обывательская масса, — с различными чувствами, но с одинаковым волнением — хватаются из дня в день за газетный лист, приносящий известия с театр военных действий*.

[illegible]

«...сперечь тактику и организацию похоронов. Мы же не хотим, чтобы страна вошла в состояние анархии, чтобы правильно совершать военные походы, производить яперис, брать ому из другой позиции у несприетли. Неприетли! У них есть свой неприетль, аксийный, «на-
стациональный» враг, с которым ведется борьба вот уже
целым десятилетиями, — революционный интеллигент, сомнени-
тельный рабочий. С ними даже счеты, для них про запас всегда
есть пуля. Пуля — это не только средство защиты, это еще
и свободное место на семье, знакомых, всегда их уступают —
даровой продают, из гиперборейской страны. Это — старая
история, занимающая публику порой, как интересный роман, как

[illegible]

ходно рассказывал нам корреспонденция товарища В. № 65.
Высоко нест, они знания родной тага Егорье не знавали
своей партии и умеря за нас. Протесты, их протесты
их, его примиря, его понимание "протестарской линии" и в
умные неуклонно проводить ее из жизни! В.

Протесты ссыльных против Якутской бойни. Копия.

Иркутскому Генерал-Губернатору. Политическим ссыльным, пр
живающих в с. Тутугуй, И
кутского уезда.

ПРОТЕСТЫ.

Возмущенные и потрясенные до глубины души акциями расправы над 56 товарищами, произведенной в г. Якутске и д. Якутского Губернатора, который несомненно действовал в интересах Вашего вклада и разрешения, мы заявляем, что мы солидарны с требованиями, выставленными якутскими товарищами, с которыми мы никогда не будем исполнять Ваших незаконных требований, предъявляемых нам в циркулярах, нарушающих наш шаг даже те минимальные права, которыми мы пользуемся в соответствии с правилами гласного назора.

Д. Тагеев, И. Ковальский, Д. Штейн, Борис Б. Неувур, Н. Потавов, А. Пальчик, Е. Голышевский, А. Баянур, один (имя не разбор.) С. Лавская, Село Тутугут, 24 апреля 1904 г.

Текст заявления, посланного группой политическим ссыльным

Г. Иркутскому Генерал-Губернатору.

ЗАВЛЕНИЕ.

Жизнь ссылки и без того невыносимая стала еще тяжелее с тех пор, как стали появляться Ваши циркуляры, являющиеся причиной кровавых столкновений.

Во виду, этого присоединяюсь к якутским товарищам требую:

- 1) Отмены циркуляров, угрожающих административными карями за самовольные отлучки и встречи товарищей;
- 2) Немедленной отправки обращающихся с просьбой о замене ссылки в ссылку на другой срок;
- 3) Уничтожения всяких произвольных прибавок срока.

При чем заявляю, что мы не будем подчиняться никаким циркулярным распоряжениям, будем совершать самовольные отлучки, будем встречать наших товарищей, если даже для этого придется прибегать к крайним средствам. Само по себе „Положение о глашатае надзоров“, которому только и будем подчиняться, достояние бесчестия!

Хорошо! Мех. Хайбу, Абр. Шараш, Марк Мелинг, Нотариус Авигт, Гершенц Фельдман, Мари Войно.

25 апреля, 1904 г.

Текст телеграммы, посланной теми жесылынными Мин. И. Дятл:

„Петербург. Мин. В. Дятл. Циркуляры Ир. Ген.-Губ. натора, превышающие „Положение о надзорах“, являются невыносимой. Во виду этого присоединяюсь к требованиям якутских товарищей и заявляю, что не будем подчиняться

Куядскіе полит. ссыльные: Мень, Шварцъ, Мединъ, Ави
Фальманъ и Бойко.

В Вашей статье "Теперь молчание невозможно", посвящен-
ной "Х. 99", "Искры", есть несколько вещей, которые должны
найти полное понимание в каждом читателе. Я, особенно
и вы, в каждом члене партии. Я, как один из членов той
партии, к которой принадлежите и Вы, как один из деле-
гатов которого партийного съезда, подавший голос за Вас при
выборах в редакцию Ц. О. и в Совет Партии, и, что, на-
доюсь, право попросит Вас, расстроившись тем, а, вместе с тем, и
вместе с остальными партийными товарищами, эти непонятные

